

preconceptions of the personality and its realization in the eschaton, the author crosses over to the important methodological point of “analogy.” Examining that positive point which the principle of analogy played in contemporary theology, the Ukrainian author nevertheless notes a large number of reserved responses in its favor.

Sergei Bortnik’s dissertation is soundly written; it is succinct and well-rounded. The language is not cluttered with difficult terminology, making his work accessible to a wide circle of readers, while at the same time the dissertation loses nothing in depth and focus. On the other hand, we note that not much space is given in the dissertation to Maxim the Confessor. If the author gives more detail on the Cappadocians, he gives much less to Blessed Maxim, even considering that one of Zizioulas’s two dissertations was devoted to him. Nevertheless, in spite of the large number of themes, it must certainly be stated that the author handled his task well and was true to the method described at the beginning of the work.

Andrei Kucheriavyi,
Odessa Theological Seminary
Odessa, Ukraine
ORCID: 0000-0001-5547-2679

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПАВЛА ГЛАЗАМИ РЕФОРМАТОРОВ. СТИВЕН ЧЕСТЕР.
ПЕР. С АНГЛ. СЕРГЕЯ КАЛЮЖНОГО. ЧЕРКАССЫ: КОЛЛОКВИУМ, 2018,
xvi + 515 с.; ISBN 978-966-8957-64-2 (ТВ. ПЕР.); 380 UAH.*

DOI: 10.29357/ISSN.2521-179X.2018.20.23

Когда столь квалифицированный ученый-паулинист как Стивен Честер, берется за историко-экзегетическое исследование с целью способствовать диалогу между разными эпохами изучения Нового Завета (НЗ), результат не может быть неинтересным. Новый взгляд на Павла – это исследование герменевтики и экзегетического богословия протестантских реформаторов XVI века и их связи с важнейшими современными дискуссиями в области изучения посланий апостола Павла. Следовательно, это и исследование истории рецепции – мысли Павла реформаторами и “реформационного Павла” современным научным дискурсом, – и упражнение в экзегезисе НЗ с учетом историко-богословских данных. Книга написана новозаветником и преимущественно для новозаветников. Для первичной аудитории она окажется весьма полезной, хотя и читатели интересующиеся другими богословскими дисциплинами смогут почерпнуть из нее немало ценных идей и стоящей информации.

* *Статья поступила в редакцию 07.02.2018; утверждена в печать 13.03.2018*

Основной тезис автора высказан четко и ясно: “толкование посланий Павла в период Реформации представляет большую ценность для современного читателя новозаветных посланий” (1). Однако подоплекой книги служат более конкретные герменевтические посылы.

Первый носит исторический и методологический характер и связан с влиянием экзегезы реформаторов на последующие поколения читателей НЗ. Хотя это влияние всегда признавалось, оно “все еще мало понимается” (59). Протестантские экзегеты XVII-XIX вв. некритично принимали традицию реформаторского прочтения Павла, тогда как современные ученые склонны ее критиковать и полностью отвергать, особенно после возникновения “Нового взгляда на Павла” (далее НВ), представители которого убедительно показали ошибочность предшествующих представлений об иудаизме эпохи Второго храма и религиозном контексте I в., и сделали вывод, что по этой причине реформационная экзегеза Павловых текстов несостоятельна. Однако Честер считает такую позицию НВ проблематичной и обоснованно утверждает, что, хотя типичное для реформаторов отождествление иудаизма I века с религией оправдания по делам следует отвергнуть, с их толкованием Павла так поступить нельзя, поскольку претенциозная критика сторонников НВ не подкрепляется содержательным взаимодействием с первоисточниками.

Второй посыл и причина исследования – экзегетический интерес Честера: реформационная экзегеза по-прежнему актуальна для современных дискуссий потому, что сами дискуссии сформированы тезисами реформаторов и могут еще обогатиться в ходе критического взаимодействия с их мыслью. Ведь Лютер и его соратники “занимают настолько важное место в истории толкования трудов Павла, что нам не понять свое место в истории толкования этих трудов без понимания их богословия” (60).

Держа в уме эти мотивы, Честер предпринимает свое исследование, желая, во-первых, предложить максимально точное и исторически достоверное представление о реформаторской экзегезе Павловых текстов и, во-вторых, поставить под вопрос господствующие герменевтические перспективы (4-7, 58-63). С обеими задачами он справляется хорошо и убедительно, что крайне важно ввиду давно назревшей необходимости подобного проекта. Недавние работы С. Вестерхолма, М. Берда, Г. Макаскилла и Дж. Хэрилла двигались в том же направлении, но лишь Стивен Честер решился донести экзегетические наработки Реформации участникам современных богословских дебатов.

После методологических размышлений в части I, “Герменевтика в XVI в XVI в XXI веках”, Честер посвящает основную часть своей книги детальному изучению образа Павла, порожденному Реформацией. Речь о нем идет в частях II и III, озаглавленных “[Общие убеждения:]¹ Новое понимание Павла реформаторами” и “[Индивидуальные перспективы:] Лютер, Меланхтон и Кальвин, соответственно. Честер использует понятие истории рецепции Х.-Г. Гадамера и Х.-Р. Яусса, теорию сдвига парадигм Т. Куна и идею М. Лютера о “новой богословской

¹ Элементы, приводимые в квадратных скобках, соответствуют оригинальным авторским формулировкам на английском языке, которые были “сокращены” в русском переводе.

грамматике” в собственном концептуальном анализе избранных оригинальных текстов. Среди них труды упомянутых Лютера, Меланхтона и Кальвина, ведь термин “реформаторы” Честер относит исключительно к ранним лютеранским и реформатским богословам, к тому же, они особенно важны для последующего развития паулинистики. Выбор персоналий неудивителен, хотя и не вполне репрезентативен. Авторское определение реформаторов включает в себя многих других экзегетов XVI века, некоторые из которых вскользь упоминаются на страницах книги (Буцер, Буллингер, Вермилий), хотя определенно заслуживают большего внимания.

Оказывается, что воззрения ранних лидеров евангельской реформы характеризуются радикальным экзегетическим, но не культурным и богословским, разрывом со средневековым контекстом, значительной преемственностью с представлениями многих современных библеистов и фундаментальным единством друг с другом. Честер утверждает, что реформаторы “говорили на общем языке богословия Павла” (69). Он последовательно использует метафоры грамматики и, реже, парадигмы для обозначения общей схемы представлений, характерной для протестантских экзегетов XVI в. и отличавшей их от современного католического богословия. Лютер, Кальвин и их коллеги придерживались набора экзегетических позиций, достаточно единообразно объясняющих, что Павел имел в виду под такими понятиями, как “закон”, “дела закона”, “грех”, “благодать”, “вера” и “оправдание”. Говоря кратко, реформаторы сходным образом понимали антропологию и сотериологию Павла.

В то же время Честер не отрицает различий между взглядами отдельных реформаторов. Он отмечает, что христологические и практические аспекты их толкований учения Павла были достаточно несхожи. Так, Лютер столь сильно подчеркивает идею тесного союза со Христом (*unio cum Christo*), присутствующего в вере, что начинает говорить о “чужой жизни” и “чужой праведности” верующего, а Меланхтон избегает говорить о таком союзе, анализирует Павловы тексты риторически и ведет речь о юридическом, но совершенно реальном оправдании “из-за Христа” или “благодаря Христу” (*propter Christi*). Кальвин же поддерживает идею Лютера, однако добавляет к ней следующее разграничение: в рамках благодатного союза Спаситель дарует верующему два спасительных благословения – оправдание и освящение (или возрождение), которые неотделимы друг от друга, но различимы, ведь это – два разных “действия” божественной благодати.

К таким богословским выводам реформаторы приходили на основании изучения Посланий к Римлянам, Галатам и других писем Павла. И эти озарения можно легко “вставить” в современные дебаты вокруг НВ. По Честеру, реформаторские позиции могут скорректировать и уточнить эти дискуссии. Поэтому в части IV, озаглавленной “[Современные отголоски: реформаторы и] Новый взгляд на Павла”, он сравнивает и критически оценивает экзегетические решения реформаторов и представителей НВ – особенно в том, что касается изучения текста Римлянам. Здесь Честер утверждает следующее: за современным “апокалиптическим” толкованием (Дж. Мартин, Д. Кэмпбелл) стоит реформаторское прочтение Павловой антропологии, хотя зависимость от прошлого прямо не призна-

ется; столь ценное реформаторами учение о сотериологической первичности божественной инициативы сильно интенсифицировано, радикализовано (Н.Т. Райт, Р. Хейз) и без всякой необходимости противопоставлено любому человеческому участию в спасении (Д. Кэмпбелл) в некоторых нынешних переложениях Павловой теологии; и, наконец, целый ряд потенциально плодотворных реформаторских учений, таких как единство со Христом и активная человеческая вера, либо забыты, либо не поняты сторонниками НВ. Отсюда вывод: необходимо более активное взаимодействие с наследием Реформации и более тщательный подход к анализу и оценке его идей.

Подобное приглашение звучит своевременно и вполне обоснованно. Книга Честера – это значимый вклад в паулинистику, тонко и аргументированно связывающий прошлое дисциплины с ее настоящим. Экзегетические представления реформаторов приводятся на основании тщательного изучения первоисточников и во свете последних достижений исторической науки, их фундаментальному согласию (общей “экзегетической грамматике”) и менее значимым несогласиям уделяется достаточно внимания, точно отслежены и отмечены фактические и потенциальные связи между реформаторской традицией и НВ. При этом ни один из подходов не идеализируется и не принижается, так как у каждого есть сильные и слабые стороны и оба могут внести свой вклад в бесконечный герменевтический процесс.

Книга Новый взгляд на Павла заслуживает высокой похвалы. Значимость этой работы для паулинистики нельзя отрицать, хотя следует признать, что некоторые темы или тезисы остались недостаточно освещенными либо изученными, и требуют дальнейших исследований. Так, глава о средневековом контексте слишком сжата, в ней упущены основополагающие первичные (например, *Glossa ordinaria* и комментарии на Писание) и вторичные источники (например, труды А. де Любака и Ф. Штегмюллера); утверждение о радикальном разрыве между средневековой и реформационной богословскими парадигмами нуждается в более детальном обсуждении; наработки других ранних реформаторов следовало бы осветить лучше (особенно идеи Буллингера, Гиперия, Очино, Олевиана, Вермилия и других, оставивших письменные комментарии на послания Павла); и, наконец, масштаб анализируемых богословских понятий, взятых из Павловых текстов, мог бы быть расширен, чтобы включить, например, экклесиологические и эсхатологические темы. И все же критические наблюдения и предложения не отменяют того факта, что работа Честера характеризуется высоким качеством и огромным потенциалом. Она существенно меняет повестку дня, стоящую перед мировым сообществом экзегетов, поскольку успешно демонстрирует: нельзя читать Павла лишь с книгой Данна, Райта или Хейза в руке – нужно также сознательно и тщательно вчитываться в тексты реформаторов и, можно добавить, средневековых и раннехристианских экзегетов. В области изучения наследия апостола Павла такой анализ предшествующей традиции толкования начинается с книги Честера.

Ростислав Ткаченко,
Евангелический богословский университет
Лювен, Бельгия, ORCID: 0000-0002-5355-2090

instance, ecclesiological and eschatological themes. Yet, these criticisms and suggestions cannot take away the fact that Chester's work is of great quality and its potential is huge. It resets the agenda for the global exegetical enterprise by successively showing that one cannot read Paul just with Dunn, Wright, or Hays in hand—she has to *consciously and carefully* read him with the Reformers and, I would add, medieval and early modern Christian exegetes. In the realm of Pauline studies, this diligent analysis of the preceding interpretative tradition starts with Chester's book.

Rostislav Tkachenko,
Evangelical Theological Faculty
Leuven, Belgium, ORCID: 0000-0002-5355-2090

ЭПОХА ПУСТОТЫ. КАК ЛЮДИ НАЧАЛИ ЖИТЬ БЕЗ БОГА, ЧЕМ ЗАМЕНИЛИ РЕЛИГИЮ И ЧТО ИЗ ВСЕГО ЭТОГО ВЫШЛО [THE AGE OF NOTHING: HOW WE HAVE SOUGHT TO LIVE SINCE THE DEATH OF GOD]. УОТСОН ПИТЕР. ПЕР. С АНГЛ. М. ЗАВАЛОВА, Н. ХОЛМОГОРОВОЙ (СЕРИЯ: РЕЛИГИЯ. ИСТОРИЯ БОГА). М.: ЭКСМО, 2017. – 784 с.; ISBN 978-5-699-97046-9; 738 RUB.*

DOI: 10.29357/ISSN.2521-179X.2018.20.25

Известный британский журналист и историк идей Питер Уотсон написал книгу о том, как возможно жить после провозглашенной Ф. Ницше в 1882 г. и неоднократно пережитой западной цивилизацией “смерти Бога”. Если Бога нет, а вселенная абсолютно случайна и лишена конечного смысла, то может ли человек обрести горизонт ценностей, помимо того, который он создаст сам? Поиск оснований для жизни, нравственного решения и понимания мира, потерявшего представление о сверхъестественном и трансцендентном, стал определяющим мотивом развития философии, искусства, науки и психологии в XIX – XX веках. Для многих творческих личностей осознание обреченности человека на одиночество перед лицом бесконечно превосходящей его бесчувственной вселенной стало источником опыта ужаса и растерянности, воплощенного в их произведениях. Например, поэзия Т. Элиота, романы Ф. Достоевского и драмы С. Беккета. Книга Уотсона имеет иную направленность. Автор стремится представить тех “героев”, для которых потеря трансцендентной точки отсчета не источник тревоги и трепета, а радостная весть освобождения, призыв к жизни наполненной воодушевлением и изобретательностью. Исходя из этой перспективы, он предлагает нашему вниманию тщательно подобранную хронику поиска смысла жизни после

* Статья поступила в редакцию 09.02.2018; утверждена в печать 13.03.2018